

Чаша гнева

Ульяна Кривлякина

Ульяна Кривлякина

Чаша гнева

«Автор»

2025

Кривлякина У.

Чаша гнева / У. Кривлякина — «Автор», 2025

В теократической Империи Возрождения, где устами народа говорит пропаганда, а сердцами правят таинственные черные сферы — Лики, возведенные в ранг святынь, завязываются три судьбы. Лиам, техник-цензор, теряет всё после ареста жены-художницы, осмелившейся показать правду в своих полотнах. Но когда чаша все же переполнится, возмездие оказывается страшнее, чем кто-либо мог представить. Это роман о цене правды, о силе любви, способной выжить даже в полном ужасе, и о вечном вопросе: что же в итоге спасет человечество от его жестокости?

© Кривлякина У., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Часть первая: ПЕСОК В ГЛАЗАХ БОГА	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ульяна Кривлякина

Чаша гнева

Часть первая: ПЕСОК В ГЛАЗАХ БОГА

Глава 1

Воздух в кухне был густым и тяжелым, как бульон из концентрата, что варила на плите мать Лиама. Запах дешевой колбасы, картофеля и тревоги.

На экране телевизора, старой ламповой панели с потускневшей матрицей, застыло лицо Архиканцлера. Лицо было тщательно выбрито и напоминало ожившую маску. Он сидел за массивным дубовым столом, на фоне знамени Империи Возрождения – стилизованного золотого пучка пшеничных колосьев на багровом поле.

«...и потому, – голос Архиканцлера был ровным, металлическим, словно исходил не из горла, а из репродуктора, – мы констатируем снижение темпов инфляции на три процентных пункта. Средняя зарплата по Империи выросла на пять процентов. Это – плоды нашего общего труда, нашей стойкости перед лицом коварного Мрака, что жаждет нашего уничтожения».

Лиам аккуратно положил вилку рядом с тарелкой. Он ловил каждое слово, его поза была выпрямленной, почти подобострастной. Он верил. Ему нужно было верить.

«Но расслабляться рано, братья и сестры! – Архиканцлер повысил голос, ударив кулаком по столу. – Враги не дремлют! Их агенты влияния, их ядовитая пропаганда, их стремление лишить нас веры отцов – всё это требует от нас удвоенной бдительности! Мы – последний оплот истины в этом мире, и мы не согнемся, мы не сломаемся! Мы...»

Голос внезапно стал фоновым шумом. Отец Лиама, Николай, бывший учитель истории, с глухим стуком поставил стакан с мутным домашним квасом на стол.

– Пять процентов, говоришь? – просипел он, не глядя на экран. – Моя пенсия как была двадцать семь тысяч имперских крон, так и осталась. А хлеб, который в прошлом месяце стоил сто, сегодня – сто тридцать. Где мои пять процентов, Лиам? Ты же у них там, в их «Оке», считаешь всё.

– Пап, не надо, – тихо сказала сестра Лиама, Катя. Она выглядела измотанной, темные круги под глазами контрастировали с бледной кожей. На ее белом медицинском халате, в котором она пришла с двенадцатичасовой смены, виднелось желтоватое пятно от антисептика.

– Нет, пусть папа скажет, – мать Лиама, Вера, нервно вытирала руки о фартук. – Спасибо, конечно, что в магазине гречка и тушенка есть. Но сахар опять по талонам. Мыла нормального нет, только эта мыльная стружка, что кожу сдирает. Сколько можно жить на одном минимуме?

– Мы воюем, – тихо, но твердо сказал Лиам, глядя на свою тарелку. – Санкции. Блокада. Все ресурсы идут на оборону и на поддержку наших братских режимов. Без нашего газа и металла они рухнут. Это временные трудности.

– Временные уже десять лет, – горько усмехнулся Николай. – Катя, расскажи-ка, как у вас в храме медицины с этими «временными трудностями»?

Катя вздохнула, отодвигая тарелку.

– У нас в отделении опять вспышка А-вируса. Температура, кашель с кровью. Вакцины нет. Ее «Синтез-Фарма» перестала выпускать, все мощности на какие-то антителы для фронта. А импортную запретили, говорят, что это биологическое оружие Мрака. Мы колем жаропонижающее и витамины. И ждем, кто выживет. Вчера умерла девочка, пятнадцать лет. У нее была астма, ей нужны были ингаляторы... которых тоже нет.

Лиам сжал челюсти. Он чувствовал, как по спине бегут мурашки. Он знал про дефицит. Видел отчеты, которые проходили через его отдел цензуры в «Оке». Все, что касалось медицины, строго вычищалось из ПравНега.

– Мы должны быть мужественными, – произнес он, и слова прозвучали неестественно, как заученный мантр. – Мы должны перетерпеть. Империя строит новую экономику, возрождает производства. Скоро...

– Какие производства? – перебил отец. – Заводы, которые делают патроны да сапоги? Это на них растёт твоя зарплата? А те, что делали лекарства и медицинское оборудование, закрыты. Лучшие врачи либо на фронте, либо в тюрьмах, либо сбежали. Остались мы, старики да те, кому бежать некуда.

На экране Архиканцлер улыбался ледяной улыбкой, рассказывая о новых трудовых победах на лесозаготовках.

Алина, жена Лиамы, сидевшая рядом с ним, положила свою руку ему на колено под столом. Она была молчалива весь вечер. Ее живот был уже заметно округлен.

– Лиам, – тихо сказала она. – Мне нехорошо. Голова кружится. Может, пойдём домой?

Он посмотрел на нее. В ее глазах он увидел не боль, а смущение и усталость от этой вечной, тягучей вражды. Она всегда была его тихой гаванью, его отдельным мирком, где не было лжи, а только уголь да бумага, на которой она рисовала настоящих людей, а не плакатных героев.

– Да, конечно, – поспешно сказал он, вставая. – Простите, мама, папа... Алине нужно отдохнуть.

Прощание было холодным и быстрым. На улице, в подъезде, пахло сыростью и дешевым хлором. Лиам молча шел, держа Алину под руку. Эфир Архиканцлера доносился из-за каждой второй двери.

– Спасибо, что вытащил меня, – прошептала Алина, прижимаясь к его плечу. – Мне всегда так тяжело это слушать. Особенно про медицину. Я ведь скоро рожать...

– Всё будет хорошо, – сказал Лиам, целуя ее в макушку, но в его голосе не было уверенности. – Они... они делают всё, что могут. Стране тяжело.

Он говорил это жене, но пытался убедить самого себя. Заставить замолчать тот холодный, внутренний голос, который шептал ему, что его отец и сестра правы. Что цифры в отчетах «Ока» и речи Архиканцлера имеют очень мало общего с той жизнью, что шла за стенами его уютного, но такого хрупкого мирка.

Они шли молча, укутанные вечерними сумерками, поглощавшими унылые бетонные коробки их района. Воздух был холодным и прозрачным, словно стекло, и каждый выдох превращался в маленькое облачко-призрак. Лиам крепче держал Алину под руку, чувствуя, как она легонько дрожит от холода.

Их квартира была на четвертом этаже пятиэтажки, в подъезде, где пахло старыми полами и киснувшей в больших эмалированных ведрах капустой. Но за железной дверью, которую Лиам открыл тремя разными ключами, находилось их личное королевство.

Оно было маленьким и бедным, это королевство. Мебель – старая, доставшаяся от бабушки Алины, с потертой обивкой. Книжные полки, сколоченные Лиамом из некондиционных досок, купленных за копейки. Но всюду лежала печать Алиного тепла. На окнах висели не шторы, а отрезки льна с вышитыми ею же простыми, но изящными узорами – стилизованными колосьями и птицами. На стенах – несколько ее акварелей, светлых и воздушных, с видами лесов и полей. На полках стояли причудливые камешки, подобранные на прогулках, сухие ветки, поставленные в вазу, и самодельные свечи в стеклянных баночках. Это был простой, но выстраданный уют, сотканный из ничего ее руками.

– Садись, я чай заварю, – сказал Лиам, помогая Алине снять пальто. Под ним ее тело казалось еще более хрупким, почти невесомым, а растущий живот был единственным твердым и реальным доказательством происходящих в ней изменений. Ее длинные темные волосы, как шелковый водопад, рассыпались по плечам, и он на мгновение прикоснулся к ним губами.

Пока он возился на крохотной кухне, грея воду в эмалированном чайнике на газовой плите, Алина не пошла в спальню. Вместо этого она подошла к мольберту, стоявшему в углу комнаты, и сняла с него ткань.

Лиам вернулся с двумя кружками в руках и замер на пороге. Она стояла спиной к нему, уже с угольным карандашом в тонких пальцах, всматриваясь в бумажное окно в свой собственный мир.

– Думал, ты ляжешь, – тихо сказал он, ставя чашки на стол. – Устала же.

– Нет, – ее голос был тихим, но твердым. – Мне нужно закончить. Иначе не усну.

Он подошел к ней сзади и осторожно обнял, положив ладони на ее живот, чувствуя под ними жизнь и холодную ткань ее платья. Она прислонилась к нему затылком, и он уткнулся носом в ее волосы, пахнувшие маслом терпентина и чем-то неуловимо сладким.

На бумаге, углем, рождался из хаоса линий старик. Его лицо было изборождено глубокими морщинами, как высохшая земля. На нем была поношенная, в заплатках телогрейка. В натруженных, скрюченных пальцах он держал маленькую, грубо вырезанную из дерева лошадку. Он предлагал ее невидимому зрителю, и во всей его позе читалась не надежда, а горькая старческая покорность. Фон был лишь намечен, не проработан, но угадывался знакомый до боли пейзаж: промозглый двор их же дома, помойные баки, голые ветки дерева. Картина дышала таким безысходным, глухим горем, что у Лиамы сжалось сердце.

– Опять такое, – тихо выдохнул он. – Аля, почему всегда такое? Это же... Это тревожно. Больно на это смотреть.

Она не обернулась, лишь провела углем по бумаге, углубляя тень в глазнице старика.

– Мне важно вылить это наружу, Лиам. Хотя бы часть. Иначе эта грусть съест меня изнутри. А уголь... он идеален. Он не просто черный. Он – как сама Империя.

Лиам прижался к ее щеке, пытаясь отогнать мрак, который она вызывала своими картинами.

– Я не понимаю, – прошептал он. – Как ты можешь быть такой грустной? У нас же есть всё. Мы вместе. Мы любим друг друга. И скоро... скоро у нас будет она. Наша девочка. Я точно знаю, что девочка. И она будет такой же прекрасной, как ты.

Она наконец повернула голову и посмотрела на него. В ее темных, огромных глазах стояла невысказанная печаль, которую не могли развеять его слова.

– Я знаю, мой хороший, – она поцеловала его в щеку, оставив едва заметное угольное пятнышко. – Именно поэтому я и должна это рисовать. Чтобы она, наша девочка, когда-нибудь жила в ином мире, где старики продают игрушки не от безысходности, а для радости.

Они стояли так несколько минут, слившись воедино перед мольбертом, застыв меж двух реальностей – уютного, выстраданного мирка их квартиры и суровой, угольной правды, рождавшейся под руками Алины. Лиам хотел верить, что их любви хватит, чтобы защитить их обоих, и ту маленькую жизнь, что теплилась между ними. Но щемящее чувство тревоги, будто холодный сквозняк, проникало в его душу сквозь тепло объятий и запах чая.

Глава 2

Утро началось с привычного гула сирены воздушной тревоги. Глухой, завывающий звук, уже давно ставший частью городского пейзажа. Лиам, застегивая форменный китель службы «Око», лишь вздохнул. Алина, бледная, прижала ладони к животу.

– Ничего, – сказал он, целуя ее в лоб. – Опять проверка систем. Или где-то далеко. Ложись в ванну, если что.

Он ушел, оставив ее одну в тишине, наступившей после отбоя. Тишина была обманчивой, зыбкой, словно поверхность воды, под которой скрывается неведомое чудовище.

Алина доела холодную овсянку, сваренную еще вчера на воде, и подошла к мольберту. Картина была закончена. Старик с деревянной лошадкой смотрел на нее пустыми, угольными глазами, обвиняя в чем-то. Она накрыла полотно тканью, словно саваном, и принялась мыть посуду, когда в дверь постучали.

На пороге стояла Сашка. Ее подруга, с которой они иногда встречались в кафе «У Мельника», чтобы выпить по чашке суррогатного кофе и пожаловаться на жизнь шепотом под громкую патриотическую музыку.

– Ты жива! – продемонстрировала шутивное облегчение Сашка, заходя в прихожую. Она была чуть полнее Алины, с ярким, нервным румянцем на щеках. – Я тебе третий день позвонить не могу! Опять эти варвары из Мрака спутники глушат, я уже думала, с тобой что случилось...

– Всё в порядке, – улыбнулась Алина. – Просто не выходила никуда. Работала.

Сашка, снимая пальто, уже заглядывала в комнату. Ее взгляд сразу упал на мольберт.

– О, новое? Можно посмотреть?

Не дожидаясь ответа, она сдернула ткань. И замерла. Румянец на ее щеках мгновенно исчез, сменившись бледностью. Она смотрела на старика, на его нищенскую одежду, на жалкую игрушку на фоне убогого двора.

– Боже правый, Алина... – прошептала она, отшатнувшись, будто от огня. – Ты вообще в своем уме такое рисовать? «Стяг» в гости ждешь?

Алина почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Она пыталась отшутиться, сделать голос легким:

– Ну, пока что в Уложении не прописано, что запрещено рисовать обычную жизнь. Только героев труда и сражений. Так что я в рамках закона.

– Это не обычная жизнь! – Сашка приняла демонстративную позу, изображая явно кого-то из властимущих. – Это... это пасквиль! Это же прямо на руку врагу! А если серьезно, Алинк, стоит это кому-нибудь увидеть...

– Кто увидит? Ты да я. Да Лиам. Он уже видел.

Сашка покачала головой, все не отводя взгляда от картины.

– Подруга, это сильно. Но ты рискуешь нарваться. У нас не то время, чтобы таким художеством заниматься. Ты б лучше акварели рисовала на продажу или портреты там. И лучше маслом, а не углем. Покупатели из чинуш любят самолюбованием заниматься, так что и покупатели бы быстро набежали, и вам бы деньги лишними не были перед рождением малышки.

– Чай будешь? – попыталась перевести тему Алина.

Она налила в две кружки горячей воды из термоса и бросила по пакетику с желтеющей этикеткой «Травяной сбор №3». Они сели за кухонный стол. Неловкое молчание затягивалось, как тугая паутина.

– Кстати, – начала Сашка, наконец оторвав взгляд от мольберта, – ты слышала? Новый Лик появился. Всего в тридцати километрах, под Самоцветском. Завтра сам Архиканцлер и Верховный Проповедник туда едут. Церемония освящения и поклонения. Говорят, от него уже исходит невероятная благодать. Люди плачут от умиления.

– Под Самоцветском? – переспросила Алина, чтобы сказать хоть что-то. – Это же почти рядом.

– Именно! – Сашка оживилась. – Говорят, когда все официальные процедуры закончатся и откроют доступ для паломников, туда будут ходить специальные автобусы от Профсоюза.

Может, съездим? Вместе веселее. Это же такое событие! Прикоснуться к божественному знамению, почувствовать его силу...

Алина представила эту картину: толпы людей, замороженно смотрящих на черную, безжизненную сферу. Ее передернуло.

– Не знаю, Саш... – она медлила, подбирая слова. – Ты же видела, в каком я состоянии. Дорога, толпа... Да и Лиам будет против, скажет, что это лишний стресс.

– Какой стресс?! Это же благодать! – подруга смотрела на нее с искренним недоумением. – Они ж исцеляют. Моя соседка, помнишь, с больной спиной? Так она к тому, что висит под Верхнеозерском, ездила, мне ее пришлось в поезд запихивать еще с этой коляской, а назад своим ходом пошла! Врачи разводили руками. Чудо, иначе не скажешь.

– Да, я слышала такие истории, – осторожно согласилась Алина. Она слышала. И слышала другие – о людях, которые после посещения «Ликов» неделями не могли спать, жаловались на кошмары и приступы необъяснимой тревоги. Конечно, это списывали на «очищение от скверны» или происки Мрака. – Просто... как-то всё это странно. Никто толком не объясняет, что это такое. Вот ты говоришь – сила, благодать. А в чем она проявляется, кроме этих... исцелений? Почему они просто висят и ничего не делают? И почему только у нас?

Лицо Сашки потемнело. Болтливая шутница, она все же была истово верующей.

– Ты что это такое говоришь? То, что они просто «висят» – это и есть знак! Они не обязаны что-то «делать». А то, что они появляются только у нас... – ее голос зазвенел фанатичным восторгом, – это же очевидно! Это знак того, что мы – избранные. Ну, или большинство из нас, кто фигней не мается.

– Я не спорю, – поспешно сказала Алина, видя, как наливаются кровью щеки подруги. – Просто... мне интересно. Не может же всё быть так просто. Ну, появился шар. И что? Мы просто верим, что он божественный? Никаких исследований, никаких попыток понять...

– Понять? – Сашка фыркнула с презрением. – Алинка, вот честно, ты потому и маешься тоской, что веры в тебе нет. Не надо понимать, надо просто верить. А сомнения – они от Мрака. Слушай, серьезно, тебе надо в храм, с проповедником поговорить. Я понимаю, мы все сейчас проходим испытание, жить тяжело, Мрак повсюду, денег не хватает, оно всех одолевает. Но этому надо сопротивляться, в лучшее верить. И не роптать. Да, они там, – она демонстративно ткнула пальцем наверх, – перебарщивают. Но Богу-то виднее, как оно надо. Надо примириться, пока не поздно.

Сашка соскочила, ее чай остался недопитым.

– Ладно, мне пора. У меня дела. Ты живая-здоровая, я побежала.

– Сашк, ну подожди... Я не хотела тебя обидеть. Просто подумала вслух.

– Да ты меня и не обидела, – ответила та рассеяно, уже стоя в дверном проеме и натягивая перчатки. А потом вдруг остановилась и посмотрела Алине прямо в глаза. – Тревожно мне за тебя, подруга. Без веры жить страшно. И за ребенка твоего страшно, если честно. Что с ним будет, если тебя Мрак поглотит?

Дверь закрылась с тихим, но окончательным щелчком. Алина осталась одна в гнетущей тишине. Предложение Сашки съездить к «Лику» висело в воздухе, как ядовитый плод. Она посмотрела на завешенный холст, потом в окно, за которым лежал город, над которым, она знала, висели эти безмолвные, черные, «божественные» сферы.

Она не поедет. Ни за что. Но щемящее, иррациональное любопытство – а что, если правда? что, если там и вправду есть что-то? – царапало изнутри, смешиваясь со страхом и отвращением.

Глава 3

Извещение принесли днем. Не электронное уведомление в личный кабинет на «Прав-Нете» – их часто теряли в бесконечных сбоях сети. Нет. Официальный бумажный бланк с гербовой печатью Империи Возрождения. Его вручил курьер в форме «Стяга», молча, избегая смотреть ей в глаза, и быстро удалился, словно боялся заразиться ее горестью.

Алина стояла в дверном проеме, держа в руках хрустящий конверт. Он был тяжелым, несоразмерно тяжелым для одного листа бумаги. Сердце ее бешено колотилось, отказываясь понимать. Она уже знала. Еще не вскрыв, уже знала.

Пальцы плохо слушались, рвали бумагу. Официальный шрифт, казенные фразы, за которыми пряталась смерть.

«...с прискорбием извещаем... гвардии рядовой Андрей Ильич Волков... пал смертью храбрых в ходе выполнения боевой задачи по защите суверенитета Империи Возрождения от посягательств сил Мрака... проявил стойкость и мужество... посмертно представлен к государственной награде...»

Буквы поплыли перед глазами, сливаясь в черную, безобразную кляксу. Звук, похожий на стон, вырвался из ее горла. Она отшатнулась от двери, прижимая бумагу к груди, будто пытаясь выдавить из нее слова, сделать их просто стекающими чернилами, просто темным пятном.

«Нет. Нет. Нет. Не может быть».

Ужас. Ледяной, пронзающий до самых костей ужас. Он сдавил горло, не давая дышать. Потом пришла боль. Острая, физическая, как удар ножом под ребра. Она согнулась пополам, рыдая без слез, с одними лишь сухими, разрывающими горло спазмами.

Андрюшка. Ее Андрюшка. Младший братишка, который всегда забирался к ней в постель по утрам, когда они жили у бабушки в деревне. Он приходил сонный, в разметавшихся льняных кудрях, пахнувших свежим молоком и сеном – тем самым запахом, что смутно напоминал ей об умерших от первой волны А-вируса родителях, о каком-то другом, теплом и безопасном времени. Яркий деревенский свет сочился в окно и зажигал в его волосах золотой нимб. Он тыкался холодным носом в ее плечо, бормоча: «Линка, скучно мне...». Они были двумя «А» – Алина и Андрей. Две одинокие буквы в огромном мире. Они вырезали на старой яблоне в шутку у бабушкиного дома их общий знак – A^2 . Интересно, осталась ли она там до сих пор или то дерево тоже спилили на древесину?

Каким он был? Улыбчивым. Вечно улыбчивым. Даже когда плакал от того, что корова слегка боднула его, сквозь слезы уже пробивалась улыбка. Он приносил ей полевые цветы, перевязанные травинкой, всегда смешил ее, корча рожицы, и умудрялся выдавать такие неопи-сваемо веселые и неожиданные каламбуры, что Алина кидалась их записывать к себе в блокнотик. Куда потом подевалась эта крошечная книжка, испещренная ее детским подчеркиком при переезде – никто уже и не вспомнит. Андрей был ее мальчиком, ее маленьким принцем. Ее единственной родной кровью в этом мире.

А теперь его не стало. Как и его улыбки, тепла, смеха. Все это затихло где-то далеко, в грязи и крови той «Вечной Брани». И она не могла в это поверить. Ее разум отказывался принимать эту чудовищную, неправильную реальность. Когда он уезжал – уже молодым красивым мужчиной (кудри отрезаны до жалкой пары сантиметров, но все равно непослушно торчат в разные стороны), то обнял ее так легкомысленно, будто и не на войну собирался. Солнце на миг мелькнуло меж вагонами, снова золотым нимбом осветило его голову.

«Ну, сестрюнь, смотри – вернусь с медалями, придется тебешить мне новый костюм под стать», – и улыбнулся своей светлой теплой улыбкой.

Она не знала, сколько просидела на полу в прихожей, сжавшись в комок и прижимая к себе злосчастный листок. Вернувшийся с работы Лиам застал ее именно такой. Он не спрашивал. Увидел бумагу в ее руке, заплаканное, искаженное болью лицо – и все понял. Мгновение Лиам стоял в оцепенении, а потом бросился к ней, опустил на колени, обнял ее судорожно вздрагивающие плечи.

– Аля... Аленька... прошептал он, прижимая ее к себе. – Милая моя...

Она не отвечала. Она просто завывала, уткнувшись лицом в его грубый китель, завывала тихо и безнадежно, как раненый зверь. Он качал ее на руках, как ребенка, гладил по волосам, целовал в макушку, бормоча бессвязные слова утешения, которые были бессильны против такой пустоты.

Он перенес ее на постель. Алина не сопротивлялась, позволила себя раздеть, напоить горячим, сладким чаем, в котором он развел последние капли настоящего коньяка, припрятанного на самый крайний случай. Она молчала, глядя в одну точку широко раскрытыми, сухими глазами. Слезы, казалось, высохли навсегда, выжгли все изнутри.

В конце концов, измученная горем или расслабленная коньяком, она таки погрузилась в тяжелый, беспокойный сон. Ее дыхание было прерывистым, веки припухли.

Лиам сидел на краю тесной кровати и смотрел на нее. На свою хрупкую Алю, сжимающую в кулачке даже во сне уголок подушки. В его груди клубилась тоска и беспомощная ярость. Ярость на войну, на Мрак, на систему, которая забрала ее брата. Он осторожно положил ладонь на ее живот, где теплилась новая жизнь.

И тогда, впервые за многие годы, он закрыл глаза и обратился к тому Богу, в которого учила верить Империя, но в котором он сам давно разуверился.

«Только бы девочка, – шептал он в тишину комнаты, в такт ее неровному дыханию. – Прошу тебя... если ты есть... только бы девочка. Чтобы ей не пришлось идти *туда*. Чтобы никогда в нашем доме не было вот такого письма. Чтобы она была похожа на Алину и была в безопасности. Только бы девочка...»

За окном, в сгущающихся сумерках, завывала сирена воздушной тревоги. Но Лиам ее не слышал. Он слышал лишь хрупкий сон своей жены и тихую, отчаянную молитву в собственной душе.

Глава 4

Утро было серым и беззвучным, словно город засыпало пеплом. Они завтракали молча. Сквозь окно сочился тусклый свет, не оставляя теней. Лиам пытался говорить о пустом – о том, что, возможно, в столовой на работе сегодня будет дежурный гуляш, о том, что надо бы поменять прокладку в кране. Его слова повисали в воздухе и падали на пол, не встречая ответа.

Алина сидела напротив, укутавшись в свой старый потертый халат. Она медленно жевала безвкусную овсяную размазню, и ее взгляд был обращен куда-то внутрь себя, в какую-то бездну, куда ему не было доступа. Она отвечала односложно: «да», «нет», «не знаю». Но в этой ее отрешенности была не подавленность, а странная, зловещая собранность. Такая же, какая бывала у нее перед тем, как взяться за уголь, когда идея уже выжгла в ней все лишнее и требовала выхода.

Лиам знал эту перемену. Знакомое беспокойство шевельнулось у него под ложечкой. Он понимал – она будет рисовать. И эта картина, рожденная из свежей, кровоточащей раны, будет самой опасной из всех. Он хотел попросить ее не делать этого, отложить, забыть. Но посмотрел на ее сжатые белые пальцы, на напряженную линию губ – и понял, что это бесполезно. Невозможно остановить реку, когда она уже прорвала плотину.

«Никто не увидит, – успокоил он себя, доедая кашу. – Она нарисует, выплеснет боль, и станет легче. А рисунок мы спрячем. Или сожжем».

Он встал, засунул тарелку в раковину и подошел к ней. Прикоснулся губами к ее макушке. Пахло сном и горьковатым запахом ее горя.

– Я пошел, – сказал он тихо.

– Иди, – так же тихо ответила она, не глядя на него.

Он вышел в подъезд, но на пороге замер, обернувшись. Она не двигалась, все так же сидела за столом, застывшая, как изваяние горя. И в его сердце вдруг резко и отчетливо коль-

нуло – странное, тоскливое предчувствие, холодное, как лезвие. Он чуть не вернулся, но лишь сглотнул комок в горле и, с силой захлопнув дверь, пошел вниз по лестнице, пытаясь заглушить этот внезапный страх стуком своих каблуков.

...

Когда за дверью затихли его шаги, в квартире воцарилась мертвая тишина. Казалось, даже пылинки замерли в воздухе. Алина медленно поднялась из-за стола. Ее движения были обреченно-медлительными, будто она поднималась на эшафот.

Она подошла к старому комоду, где хранила свои сокровища. Каждый предмет был для нее не просто инструментом, а частью ритуала, символом.

Она достала большой лист **бумаги**. Шероховатая, зернистая, сероватая поверхность. Она провела по ней ладонью. Это была кожа этого мира, грубая и несовершенная. На такой бумаге писали доносы, печатали похоронки, как та, что теперь лежала у нее на комод. Она была идеальным полотном для ее истории.

Потом она взяла **уголь**. Несколько драгоценных, плотных, матово-черных палочек, упакованных в бархатистую бумагу. **Дефицит**. Лиам достал его через свои связи в «Оке», сказав, что он нужен для протокольных зарисовок. Она берегла каждый грамм. Уголь был похож на спрессованную тьму. На окаменевшую боль. Он был хрупким и пачкал все вокруг, оставляя несмываемые следы – совсем как горе. Уголь был главным ресурсом Империи, который уходил на экспорт, согревая чужие страны, пока здесь люди мерзли. И теперь он будет служить ей, чтобы показать эту Империю без прикрас.

Тряпочка для растушевки – серая, мягкая, вся в пятнах от прошлых работ. Это была память. Ею она стирала границы, смешивала тени, создавала дымку забвения и печали. Она была похожа на клочок тумана над полем, где погиб ее брат.

Лак для волос в старой помятой банке с залипшим распылителем. Дешевый, с резким химическим запахом. **Фиксатор**. То, что не дает всему рассыпаться, закрепляет нанесенные раны, делает их вечными. Как государственная пропаганда, которая фиксировала в сознании людей одну-единственную, удобную правду. Она ненавидела этот запах. Он убивал живость линий, но он был необходим. Чтобы ничего не стереть. Чтобы ничего не забыть.

Она расстелила бумагу на подрамнике, прикрепила кнопками – старыми, погнутыми, будто прошедшими войну. Каждое движение было точным, выверенным, полным мрачной торжественности.

И взяла в пальцы уголь. Он был холодным и живым одновременно. Она закрыла глаза, и перед ней всплыло лицо брата – не то, что видели все, улыбающееся и беззаботное, а другое. То, каким оно могло быть в последний миг: искаженное ужасом, залитое грязью и кровью, под безразличным небом, на которое он, возможно, смотрел, умирая.

Ее пальцы сжали уголь так сильно, что он хрустнул и сломался. «Ничего, – подумала она. – Ничего, я нарисую и из обломков». Алина посмотрела на растянутый, распятый на подрамнике лист бумаги – он будто звал ее, готовый принять всю боль и горе.

И тогда она провела первую линию.

Грубый, бархатисто-черный штрих, прорезавший серую плоскость, как шрам. Это был контур двери. Не парадной, не богатой, а самой обычной, знакомой до боли двери их квартиры – с потертой краской, с маленьким глазком-рыбьим глазом, с тусклой металлической ручкой, которую бесчисленное количество раз трогали руки.

Алина работала, одержимая горем. Ее рука двигалась быстро, почти яростно, но при этом с хирургической точностью. Уголь крошился под ее пальцами, оставляя на коже траурные пятна. Она не делала набросков. Образ уже был выжжен в голове, и теперь ей нужно было лишь извлечь его наружу, как занозу.

Дверь росла на листе, тяжелая, неумолимая, единственный выход и вход в этот маленький мирок. Она была закрыта. Наглухо. И в этой ее закрытости была вся суть ужаса.

Потом она принялась за фигуры. Сначала женщина. Она рисовала ее со спины, чтобы не видеть лица – чтобы ею могла стать любая. Любая из тех тысяч, что ждали. Женщина была худая, с острыми лопатками, проступающими сквозь тонкую ткань платья. Вся ее поза выражала не движение, а застывшее, окаменевшее ожидание. Она сидела на краешке табуретки, и было видно, как напряжена ее спина.

К ее коленям прижимался ребенок. Маленький, лет трех. Лицо его было скрыто в складках ее платья, видны были только мягкие, пушистые вихры на макушке. Он обнимал ее за ноги, замерев в непонятном, тревожном ожидании, считывая материнское напряжение.

Света не было. Вернее, он был, но какой-то ущербный, серый, пробивающийся откуда-то сверху, из воображаемого окна за спиной зрителя. Он не нес надежды. Он лишь подсвечивал безысходность сцены, ложился мертвенными бликами на пол.

И главная деталь. Тот самый **листок**. Он лежал на полу, у самого порога, прямо под щелью двери, будто его кто-то просунул извне и спешно ретировался. Белый, с угрожающе четкими, хотя и неразборчивыми с этого расстояния, печатями. **Похоронное извещение**. Он был центром всей композиции, ее смысловым и эмоциональным эпицентром. Взгляд невольно цеплялся за него, а потом уже не мог оторваться, скользя по сгорбленной спине женщины, по испуганной фигурке ребенка, по этой глухой, немой двери, которая больше никогда не откроется для того, кого они ждали.

Алина работала в полной тишине, нарушаемой лишь шорохом угля по шершавой бумаге и ее собственным прерывистым дыханием. Она вжимала черную пыль в зерна бумаги, создавая густые, непроглядные тени в углах, под табуреткой, за фигурами. Эти тени были похожи на самую скорбь, материальную, плотную, готовую поглотить героев картины.

Время от времени она отступала на шаг, прищуривалась, оценивая работу. Ее лицо оставалось каменным, лишь в глазах пылал тот самый огонь, что гнал ее вперед.

Наконец, она взяла тряпочку. Мягкими, почти нежными движениями она стала растушевывать резкие границы, смягчать контуры, создавая дымку отчаяния, которая витала в нарисованной комнате. Платье женщины слилось с тьмой, фигура ребенка стала еще более прозрачной и беззащитной.

Осталось последнее. Она взяла самый острый, заточенный как игла, обломок угля. И снова подошла к листку. Она прорисовывала каждую букву казенного шрифта, каждую линию печати, делая его гиперреалистичным, кричаще настоящим. Это был приговор, вынесенный этой семье. Это был итог.

Она отступила. Перед ней на мольберте дышало законченное полотно горя. «Безвестие». Оно было закончено.

Слез не было. Была только пустота и ледяное, пронзительное удовлетворение от того, что она смогла это сделать. Смогла остановить этот миг бесконечного падения, зафиксировать его, как насекомое в янтаре.

Она взяла банку с лаком. Резкий, химический запах ударил в нос. Она распылила его на рисунок, и блестящие капли, словно крошечные слезы, застыли на поверхности, навсегда скрепляя боль, отчаяние и память. Фиксируя правду, которую никто не должен был увидеть.

Глава 5

Лиам проснулся от тишины. Она была густой, звенящей, давящей на барабанные перепонки. Выходной. Не нужно было никуда бежать. И эта внезапная свобода от рутины была мучительной, потому что оставляла наедине с мыслями.

Он лежал на спине, не двигаясь, и смотрел в потолок, покрытый паутиной трещин. Его взгляд был устремлен туда, но видел он не их, а ту картину. «Безвестие». Она висела в соседней комнате, прикрытая тканью, но ее присутствие ощущалось физически, как будто за тонкой стеной пульсировало что-то живое и опасное.

Он думал о ней. О том, что сжечь ее – значит предать Алину, уничтожить часть ее души, которую она вложила в этот уголь и бумагу. Хранить – безумие. Одна случайность, один неверный взгляд постороннего, один донос – и всё.

В зале тикали настенные часы, доставшиеся от деда. Размеренный, металлический звук: «тик-так, тик-так». Но чем пристальнее Лиам вслушивался, тем больше ему казалось, что тикает не механизм часов, а сама картина. Тихо, но отчетливо. Как бомба, чье время еще не пришло, но счет уже пошел. Он зажмурился, пытаясь прогнать навязчивую метафору, но она въелась в сознание.

«Я должен их защитить, – думал он, глядя в потолок. – Во что бы то ни стало. Ее и ребенка. Как?» Ответа не было. Лишь тягостное, свинцовое чувство беспомощности.

Внезапно тишину разорвало. Сначала далекий, нарастающий вой, а потом и полная, оглушительная сирена воздушной тревоги. Сердце Лиамы дрогнуло и заколотилось где-то в горле. В тот же миг в коридоре за стеной послышались торопливые, тяжелые шаги. Не один человек, а несколько.

Его тело мгновенно напряглось, как струна. В голове пронеслась единственная, обжигающая мысль: «Они пришли. За картиной. За нами». Он застыл, не дыша, впиваясь взглядом в дверь спальни, ожидая, что вот-вот ее выбьют. Ладони стали влажными. Он представил себе лицо Алины, перекошенное страхом, ее живот... Ребенка...

Мгновенная, животная паника сменилась холодной, расчетливой волной. Нет. Не убьют. Не ее. Не сейчас. Ведь она носит в себе самое ценное, что есть сейчас в Империи – новую жизнь. Рождаемость падала с каждым годом, новые волны мобилизации выкашивали города и веси, и власти из последних сил пытались заткнуть эту дыру, осыпая многодетных матерей жалкими подачками и почетными грамотами, одновременно закручивая гайки тем, кто не спешил выполнять «священный долг». Алину не казнят. Но что же тогда? Лагерь? От одной этой мысли его бросило в ледяной пот. Нет, смерть была бы милосерднее. Они найдут способ покарать ее, не трогая ребенка. Защитить? Как он может защитить свою семью от системы, внутри которой он сам является всего лишь крошечным винтиком?

Шаги прошли по коридору, затихли, послышался скрип открывающейся соседней двери, затем ее захлопнули. И всё. Тишина, нарушаемая лишь воем сирены. Это были просто соседи, спешившие в укрытие.

Лиам выдохнул, чувствуя, как дрожь медленно отступает от конечностей. Он провел рукой по лицу, смахивая холодную влагу. Паранойя. Но в этом мире паранойя была лишь обостренным инстинктом самосохранения.

Он повернулся на бок, чтобы посмотреть на Алину и встретился с ее взглядом. Она не спала. Лежала на боку, подложив руку под щеку, и смотрела на него своими огромными, темными глазами. В них не было страха, был какой-то странный, отрешенный, но очень четкий фокус.

– Доброе утро, – хрипло сказал он. – Как ты? Как... себя чувствуешь?

Она не ответила на приветствие. Не ответила на вопрос. Она продолжала смотреть на него несколько секунд, а потом произнесла тихо, но очень внятно, перекрывая вой сирены:

– Я хочу поехать к Лику. К тому, новому, под Самоцветском.

Лиам оторопел. Он даже приподнялся на локте, думая, что ослышался.

– К... Лику? – переспросил он. – Но... ты же... ты никогда не верила во все это. Ты всегда говорила, что это обман.

Ее лицо не выразило ничего. Ни сомнения, ни веры.

– Я хочу поехать, – повторила она, и в ее голосе прозвучала не привычная мягкость, а твердая, неизвестно откуда взявшаяся стальная нить. – Сегодня.

– Аля, это же первый день открытия, там толпы, давка, – забеспокоился он. – Тебе нельзя волноваться, нельзя уставать. Ты вчера... – он не решился сказать «похоронила брата».

– Я поеду, – сказала она, и это прозвучало как окончательное решение, не подлежащее обсуждению. – С тобой или без тебя.

Она откинула одеяло и села на кровати, поворачиваясь к нему спиной. Сирена все еще выла, но теперь ее вой казался лишь фоном для той тихой, леденящей душу решимости, что исходила от его жены. Лиам смотрел на ее хрупкие плечи, на острый изгиб позвоночника, и не понимал ничего. Что-то в ней сломалось. Или, наоборот, встало на место. Но что именно – он боялся даже предположить.

Они собирались молча, как на ритуал. Алина надела свое самое простое, неброское платье, скрывающее живот, и повязала на голову темный платок. Лиам, стиснув зубы, положил в старую потрепанную сумку их скудный провиант: два ломтя черного, липкого хлеба, смазанные тонким слоем спреда, бутылку мутного домашнего кваса и два маленьких, корявых яблока, купленные с рук у бабушки на рынке.

– Пойдем, – сказала Алина у двери, и в ее голосе не было просьбы, было указание.

Они вышли на улицу и зашагали быстро, почти бегом. По субботам Профсоюз работал только до обеда, и они уже опаздывали.

Само здание Профсоюза было унылой бетонной коробкой с облупившейся краской и громадным, выцветшим от времени барельефом на фасаде, изображавшим когда-то могущественных рабочих и колхозниц, а ныне напоминавших призраков ушедшей эпохи. Некогда грозная и влиятельная организация теперь стала всего лишь еще одной конторой нового государства, его тупым и медлительным щупальцем. Сюда приходили не за защитой прав, а за унижительными подачками: талонами на еду, справками для устройства детей в переполненные сады, направлениями на мало-мальски сносную работу, разрешениями на проезд между районами. Это был храм бюрократии и выживания.

Как и ожидалось, автомат по выдачи талончиков снова не работал. На нем висела потрепанная, написанная от руки табличка «Неисправно». Поэтому у трех единственных работающих окон в крошечном зале выстроилась ожидающая толпа, серая, изможденная.

Воздух был спертым и густым, пахло потом, пылью и безнадеей. Вдоль стены стоял один ряд железных кресел, холодных и неудобных. На них, по неписаному правилу, сидели только старики, сторбленные и равнодушные, и несколько женщин с большими, выдающимися вперед животами – живые символы выполняемого «священного долга». Остальные, человек тридцать, стояли, переминаясь с ноги на ногу, уставясь в пол, покрытый стертým линолеумом или в затылок впереди стоящего. Изредка кто-то вяло и беззлобно ругался из-за того, что его нечаянно толкнули. Энергии для настоящего конфликта ни у кого не было.

Лиам и Алина встали в хвост этой немой процессии. Лиам попытался прикрыть Алину собой от давки, но пространства было слишком мало. Они замерли в ожидании, слушая, как где-то далеко, за стеклом окошка, уставшие чиновницы что-то монотонно бубнят очередному просителю.

Минуты тянулись мучительно медленно. Лиам чувствовал, как по его спине ползет пот. Он смотрел на затылок Алины, на ее платок, и пытался понять, что творится у нее в душе. Зачем ей это нужно? Что она ищет у этого проклятого Лика? Но ответа не было. Только тиканье тех самых воображаемых часов у него в голове, отсчитывающих время до неизвестной, но неминуемой беды.

Очередь ползла мучительно медленно. Стрелка на больших круглых часах над окошками неумолимо приближалась к часу закрытия. Лиам нервно переминался с ноги на ногу, чувствуя, как у них буквально уходит из-под носа последний шанс успеть. Алина стояла неподвижно, словно статуя, ее взгляд был устремлен куда-то внутрь себя.

Вот они уже почти у заветного окошка. Перед ними оставался всего один человек – ще-душный старичок в поношенном, но аккуратном пиджачке. Он прижался ухом к крохотному окошку в толстой пластиковой перегородке, стараясь расслышать слова чиновницы.

– Шо? – переспрашивал он громко, беспомощно. – Прости, доча, плохо слышу... Какая еще справка?

Чиновница, женщина с одутловатым, невыспавшимся лицом, говорила в микрофон, и ее голос, искаженный динамиком, звучал резко и пренебрежительно:

– Справка о подтверждении прописки до переезда! Без нее квота не положена! Вы что, правила не читали?

– Я... я паяю модули для фронта, – старался объяснить старик, и в его голосе слышалась мольба. – Для беспилотников. Глаза совсем отказывают, катаракта. Ошибку сделаю – работу потеряю. А у меня невестка, внучка... сын погиб... Пенсии не хватает... Как мне эту справку сделать? Мне в Новоград ехать, это ж тысяча верст! И при чем старая моя прописка, если речь о глазах?

– Мне ваши проблемы не интересны! – огрызнулась чиновница. – Правила есть правила! Не задерживайте очередь!

Лиам сжал кулаки. Он видел такие сцены десятки раз. Эта бюрократическая машина была специально отлажена так, чтобы максимально усложнить получение любого пособия, любой помощи. Отказать, заставить ходить по кругу, вымотать – главная задача. Чтобы меньше про-сили. Чтобы меньше давать.

Старик пытался что-то еще сказать, умолять, но чиновница уже отворачивалась, демон-стративно занимаясь бумагами. Очередь за ним зароптала. Кто-то крикнул: «Да пропусти уже, дед, коли не готов! Время-то кончается!»

Лиам видел, как у Алины дрогнули губы. Он видел отчаяние в глазах старика. И он видел стрелку часов. Четверть часа. Они не успеют.

Внутри него что-то надломилось. Жалость, злость, отчаяние – все смешалось в один клу-бок. Он резко шагнул вперед и положил руку на костлявое плечо старика.

– Дедуль, простите великодушно, – сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал от нена-висти к этой системе и к самому себе за то, что он сейчас делает. – У нас очень срочно. Про-пустите нас, и... подождите меня на улице, у входа. Хорошо?

Старик растерянно посмотрел на него, потом на злобное лицо чиновницы, на нетерпели-вую очередь. В его глазах была полная безнадега. Он молча кивнул и, понурив голову, поплелся прочь от окошка, к выходу.

Лиам почувствовал жгучую волну стыда. Он воспользовался слабостью старика. Он стал частью этой машины. Но он видел решимость в глазах Алины и думал о ребенке. Не было времени на моральные терзания.

Он протиснулся к окошку вместе с Алиной.

– Нам два билета на автобус до Самоцветска. К Лику, – быстро сказал он.

И произошло чудесное превращение. Надменное, скучающее лицо чиновницы вдруг про-сияло искусственной, сладкой улыбкой. Она тут же отложила все бумаги в сторону.

– Ах, к святыне! Конечно, милости просим! – защебетала она, уже листая яркий реклам-ный буклет и доставая из ящика два бланка. – Это почётно! Служить вере и отечеству! По двести тысяч. – Она мгновенно сгребла выложенные на пластиковый поднос деньги, быстро заполнила бланки и шлепнула на них печать. – Автобус как раз отходит через пятнадцать минут от площади Единения. Если поспешите, успеете!

Он схватил билеты, кивнул и, не глядя больше ни на кого, резко развернул Алину за локоть.

На улице он на мгновение остановился, озираясь, пытаясь сориентироваться. Старичок стоял в стороне – явно уже и не ждал никого, не надеялся, просто стоял, поглощенный своей безнадегой. Лиам быстро подскочил к нему, скоро зашептал.

– Запоминайте телефон. Два-пять-пять-семьсот сорок три. Запомнили? Скажите, что от Лиамы. Что для нужд фронта. Будут спорить – пообещайте обратиться письмом к Архиканцлеру. Скажите, что имеете право, у вас сын на фронте погиб. Все запомнили? Два-пять-пять-семьсот сорок три.

Старичок вдруг быстро-быстро закивал, на глазах у него задрожали слезы – крупные и мутные. На секунду он ухватил Лиаму за руку (да некогда же!) и сжал неожиданно крепко. Выдохнул: «Спасибо». Лиам кивнул, отнял руку. Площадь Единения была в десяти минутах быстрого шага. Бежать – значит трясти Алину, рисковать... Идти быстро – можно не успеть.

– Лиам, я могу, – тихо, но твердо сказала Алина, словно угадав его размышления. Ее глаза горели странным огнем. – Бежим.

Они рванули по серым улицам, обходя лужи и редких прохожих, которые с удивлением провожали их взглядом. Лиам держал Алину за руку, стараясь задавать такой темп, чтобы она не споткнулась, но и не отставала. Он чувствовал, как ее пальцы холодны и как учащенно бьется ее пульс. Мысль стучала в висках в такт его бегу: «Успеть. Надо успеть». Но это было не про автобус. Вернее, не только про него. Этот автобус, эта поездка – казались ему единственным шансом. Шансом вернуть ее. Вырвать из той ледяной скорлупы отрешенности, в которую она заключилась после извещения. Он видел, как она ускользает от него с каждым часом, как уходит в себя, в свою боль, в свои странные, непонятные ему мысли. И он инстинктивно цеплялся за эту безумную идею – поехать к Лику. Может быть, там, в толпе таких же отчаявшихся, глядя на это черное «чудо», она снова увидит его, почувствует его руку, его поддержку. Может, это безумие разрушит стену ее горя и вернет ему его Алю.

Он рисковал трясти ее, рисковал ее состоянием, но страх потерять ее совсем был сильнее. Они неслись по мостовой, и ему казалось, что они бегут не к автобусу, а наперегонки с тем мраком, что затягивал его жену. И он должен был успеть первым.

Они влетели на площадь Единения, запыхавшиеся, с колом в боку. Желтый автобус, новенький, с гляцевыми боками и гербом Империи на боку, все еще стоял, и водитель в форменной фуражке, покуривая у открытой двери, лениво махнул им рукой: «Садитесь, места есть!»

Лиам чуть не рухнул на ступеньки, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Они успели.

Внутри автобус поразил своей чистотой и почти пустотой. Было занято меньше половины мест. Пахло не привычной затхлостью и потом, а синтетическим освежителем воздуха с запахом «морской свежести». Из динамиков тихо, но навязчиво лилась религиозная музыка, наложенная на ритмичный электронный бит – гибрид молитвы и пропагандистского ролика.

Пассажиры сидели чинно, с прямыми спинами. Они были одеты скромно, но опрятно, их лица светились спокойной, незыблемой уверенностью. Это были те, кто принял новые правила игры, кто нашел в вере и служении государству свое утешение и опору. Они перекидывались тихими, вежливыми фразами, улыбались друг другу благостными, одинаковыми улыбками.

Алина опустила на сиденье у окна, с облегчением закрывая глаза. Лиам сел рядом, все еще тяжело дыша. Они успели. Через проход от них, у другого окна, сидела женщина средних лет с добрым, круглым лицом. Она внимательно посмотрела на Алину, и ее взгляд смягчился.

– О, голубушка, – ласково сказала она, и ее глаза засияли. – Да вы, я смотрю, в положении? Благословение Божье носите под сердцем!

Алина инстинктивно положила руку на живот и кивнула, пытаясь сдержать дрожь, все еще бегущую по телу после бега.

– Да... Спасибо.

– И не бойтесь, не бойтесь, – заверила ее женщина, – Особенно сейчас, когда государство так заботится о матерях. И пособия хорошие, и за каждого следующего малыша – добавка. Это так правильно, так угодно Провидению! Дает Бог зайку, а государство – лужайку. Какой у вас срок, милая?

– Пятый месяц, – тихо ответила Алина.

– О-о-ой, кажется, что только начало, а на деле уже скоро! – обрадовалась соседка. – А кого ждете? Сыночка-богатыря или дочку-красу?

Алина на мгновение задумалась. Она с Лиамом всегда говорила о девочке.

– Не знаем... Хочется, чтобы просто был здоров.

– Верно, верно, главное – здоровье! – женщина одобрительно кивнула. – А у меня самой двое были, – продолжила она, и ее лицо озарилось теплым светом воспоминаний. – Близнецы. Мальчик и девочка. Такие лапочки! Родила я их еще молоденькой, тогда никаких особых выплат не было, но мы жили душа в душу. В церковь ходили исправно, хоть многие и косо смотрели – времена такие были, темные. А потом, о чудо! Вера проснулась в людях, и мы оказались не странными изгоями, а теми, кто и должен жить в Империи Возрождения! Солью земли, оплотом!

Она говорила с таким искренним восторгом, что Алина невольно повернулась к ней.

– Они... они сейчас уже взрослые? – осторожно спросила она.

Улыбка на лице женщины исчезла мгновенно, словно ее сдуло ветром. Ее глаза, еще секунду назад сиявшие, стали плоскими и пустыми, как у рыбы.

– Померли, – отрезала она резко, без всякой печали в голосе, будто констатировала погодный факт. – Я на работе была. Беспилотник, из тех, что Мрак запускает, врезался прямо в окно нашей квартиры. А они как раз из него выглядывали, на парад смотрели. Сразу и пришибло их. – Она помолчала, и ее губы искривила сухая, злая гримаса. – А все эти твари из Мрака, чтоб они уже все там сдохли поскорее. Сгинули в аду.

Алина замерла, вжавшись в сиденье. Эта резкая, безэмоциональная жестокость, прозвучавшая из уст только что улыбающейся женщины, была леденящей. Она не знала, что сказать.

Но женщина, казалось, уже и не ждала ответа. Ее лицо снова озарилось той же благостной улыбкой, будто кто-то щелкнул переключателем.

– Но государство, – ее голос снова стал бодрым и радостным, – мне квартиру-то восстановило, выплаты назначило за погибших детишек. Заботится. Муж, правда, не выдержал, пить начал, уж очень он близнецов любил. Слабый оказался духом. А я вот живу, к Ликам катаюсь, прошу их о душах детишек померших позаботиться. Они там, у Престола, упокоются.

Она кивнула Алине, словно подводя черту под историей, и отвернулась, смотря в окно на проплывающие серые пейзажи. Алина медленно перевела взгляд на Лиам. Его лицо было каменным. Он сжал ее руку в своей, и его ладонь была холодной и влажной.

Глава 6

Автобус свернул с главной дороги и, потряхивая на колдобинах, остановился на обочине. За окном открылся унылый осенний пейзаж: пожухлые, бурые поля, голые, скрюченные деревья и серое, низкое небо, сквозь которое тускло просачивалось блеклое солнце. Вдалеке виднелись серые коробки Самоцветска.

Лиам и Алина вышли из автобуса, и их обдало порывом холодного, влажного ветра. Они ожидали увидеть толпы паломников, шум, оживление. Но вокруг было почти пусто. Помимо них и водителя, вышло еще человек десять, не больше.

– Народу-то мало, – тихо удивился Лиам.

Их попутчица, женщина с круглым лицом, уже стояла рядом, деловито поправляя платок.

– Да, видимо, еще не все узнали о явлении святыни, – сказала она с уверенностью знатока. – Новость-то свежая. Но потом, обязательно, хлынут сюда толпами, вы не сомневайтесь! – Она строго посмотрела на них, как на нерадивых школьников. – А вообще, надо новости по телевизору внимательнее слушать, как положено. Тогда бы и знали обо всем важном заранее.

Она кивнула им и уверенно зашагала вперед. От дороги в гору вела тропинка, уже утоптанная за последние пару дней. Она петляла меж чахлах кустов и пожухлой, побуревшей от холода травы. Воздух был неподвижным и тяжелым, пахло сырой землей и гниющими листьями.

Где-то вдалеке, на склоне холма, одиноко паслась тощая корова, непонятно как здесь очутившаяся. Видимо, сбежала с какой-нибудь фермы на окраине Самоцветска. Ее жалобное, протяжное мычание лишь подчеркивало гнетущую тишину.

Лиам взглянул на серые линии города вдали. Где-то там, как он слышал, была закрытая тюрьма. Не та, обычная, для уголовников, а особая. Та, куда свозили тех, кто исчезал по ночам из своих квартир после анонимных звонков соседей в «Стяг». Место, о котором не говорили вслух, но которое всегда висело в воздухе немym предупреждением. Мысль об этом заставила его внутренне сжаться.

Он взял Алину за руку. Ее пальцы были ледяными.

– Пошли? – тихо спросил он.

Она кивнула, не отрывая взгляда от вершины холма, где, как они знали, их ждало нечто необъяснимое. Они пошли по тропинке, поднимаясь навстречу холодному ветру и зову той безмолвной, черной тайны, что висела где-то впереди.

Тропинка вилась вверх, меж голых, мокрых от сырости веток. Они шли молча, прислушиваясь к хрусту под ногами и далекому, одинокому мычанию коровы. Наконец, деревья расступились, открыв небольшую поляну.

И они увидели Его.

Лик висел в воздухе, примерно в полуметре над землей, в центре поляны. Он был огромным, диаметром около метра, и казалось, что это не предмет, а дыра в самой реальности, затянутая идеально гладким, абсолютно черным, непроницаемым стеклом. Его поверхность была не матовой, а глянцевой, отполированной до зеркального, инопланетного блеска, но при этом в его глубине не отражалось ни небо, ни деревья, ни лица молящихся – лишь искаженные, уходящие в никуда сгустки теней. Он не поглощал свет – он казался его абсолютным антиподом, источником собственной, обратной темноты.

От него исходил едва уловимый, но явственный гул – низкочастотная вибрация, похожая на отдаленный звук трансформатора или работу мощного вентилятора где-то глубоко под землей.

Вокруг, на промозглой, вытоптанной траве, стояли на коленях или сидели в позе лотоса человек пятнадцать. Они молились шепотом или вслух, некоторые плакали, протягивая к сфере руки. Их голоса сливались с этим гулом в один странный, гипнотический хор.

Лиам и Алина замерли на краю поляны, оцепенев. Эта идеальная, пугающая своей неестественностью сфера давила на психику, вызывая первобытный страх.

К ним тут же подпорхнула их знакомая попутчица. Ее глаза сияли знанием.

– Ну вот, голубушки мои, видите? Чудо-то какое! – зашептала она. – И ведь знаете, что ученые наши, еще после самого первого Лика, установили? – Она понизила голос. – Он из

цельного карбонадо! Черного бриллианта! Таких в природе-то и не бывает, ну, с горошину, не больше. А тут – во! – она широко раскинула руки, указывая на исполинскую сферу. – Цельный! Без единого шва!

Она помолчала, давая им осознать масштаб, а потом продолжила с упоением:

– Просветить его насквозь не удалось – ничего не видно, да и слишком он твердый. Сдвинуть с места – тоже. Такие краны привозили, тросы стальные... всё порвалось, а Он – хоть бы что! Висит себе и висит. Они даже... – она смолкла, на ее лицо накатил суеверный ужас, и она торопливо перекрестилась, – ...взорвать Его пытались, прости Хосподи, грех-то какой! Что уж они там хотели установить, невежды... Невозможно познать Бога этой вашей наукой. Можно только верить, верить нужно, голубушки!

Вдруг она прислушалась, и ее лицо озарилось еще большим восторгом.

– Слышите? – прошептала она с благоговением. – Это он, родимый, гудит. От этого звука люди исцеляются! Ну, праведники, конечно. А ежели кто с нечистой душой приходит, – она многозначительно посмотрела на них, – то потом мается. Кто головной болью, а кто и ночными кошмарами. Сам Лик душу насквозь видит.

Она отвернулась и, присоединившись к другим, опустилась на колени, заботливо подложив под них согревающую «пенку». Лиам и Алина остались стоять, слушая этот низкий, проникающий внутрь черепа гул. Он больше не казался им просто звуком. Теперь он ощущался, как безмолвный вопрос, обращенный к самой их сути, и какое-то предупреждение.

Алина стояла несколько секунд, словно вкопанная, глядя на черную, гудящую сферу. Потом, не сказав ни слова, она сделала шаг вперед. Затем еще один. Ее движение было плавным, почти сомнамбулическим, будто ее тянула невидимая нить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.